

А. М. Авласович, Институт истории НАН Беларуси, отдел археологии средних веков и Нового времени, аспирант, магистр исторических наук (г. Минск, Беларусь)

Археологическое изучение курганных древностей у д. Эсьмоны

Первое упоминание о раскопках курганных насыпей у деревни Эсьмоны относится к 1889 г. Согласно сообщению Н. П. Авенариуса, в 1863 или 1864 г. член поверенной комиссии Л. Спигачев провел раскопки курганов на территории современного Бельничского р-на у д. Эсьмоны [9, с. 45]. Однако результаты его изысканий не нашли своего отражения в печати. Из того же сообщения Н. П. Авенариуса известно, что в 1887 г. археологическое исследование интересующего нас памятника продолжил преподаватель реального училища из Белостока Ф. И. Шимоновский. В двух раскопанных насыпях исследователь зафиксировал погребения людей, находившихся в сидячем положении. На пальцах умерших были обнаружены спаянные бронзовые перстни [9, с. 45].

В 1889 г. исследование погребений у д. Эсьмоны совместно с Ф. И. Шимоновским и краеведом В. Г. Краснянским продолжил Н. П. Авенариус. Проведя обследование местности, ученый установил, что здесь расположены три курганные группы, в каждой из которых были проведены раскопки [9, с. 45; 5, с. 42].

В первом могильнике исследователями были раскопаны две насыпи. Первое погребение находилось в подкурганной яме с остатками сгнившего дерева. На уровне горизонта погребение накрывали два параллельных ряда камней. Под ними находились угли, которые, по мнению Н. П. Авенариуса, являлись остаткам ритуальной тризны. Обнаруженное погребение было ориентировано головой на запад, правая рука вытянута вдоль тела, левая – согнута в локте и лежала на груди [9, с. 46]. Раскопки второй насыпи ученым описаны весьма лаконично. Из описания следует, что погребение было произведено по обряду трупоположения, сопровождающий инвентарь не обнаружен [9, с. 46].

Во втором могильнике также были раскопаны две насыпи. При исследовании самого высокого кургана были зафиксированы два ряда камней и остатки сгнившей деревянной конструкции на подсыпке. Под камнями, на уровне материка, находились остатки погребения. Принимая во внимание необычное расположение костей, Н. П. Авенариус сделал заключение, что тело умершего в момент возведения насыпи находилось в сидячем положении. Из описания следует, что череп и кости верх-

ней части тела располагались на тазовых костях, кости же ног были согнуты в коленях [9, с. 46]. Погребальный инвентарь состоял из бронзового височного кольца и характерной для дреговичей зерновой бусины [9, с. 46–47].

Во втором кургане этой группы погребальный обряд оказался весьма схож. На подсыпке были выложены два ряда камней, в пространстве между которыми находились обугленные куски дерева – остатки деревянной конструкции. Погребение располагалось ниже, на уровне материка. Кости зафиксированы в беспорядочном положении, за исключением вытянутых нижних конечностей [9, с. 47].

Относительно третьей, ныне уничтоженной, курганной группы А. П. Авенариус отмечает некоторую вытянутость по линии запад–восток. Из трех исследованных здесь насыпей в двух был зафиксирован уже знакомый погребальный обряд ингумации в сидячем положении с использованием камней и деревянных конструкций. В одной из этих насыпей череп находился между костями таза, ноги же были вытянуты по линии запад–восток. По мнению исследователя, остатки дерева являются брусками, которые накрывали склеп, а камни использовались для их поддержания [9, с. 47].

Третья насыпь содержала коллективное захоронение. В центре кургана между рядами камней находилось погребение, ориентированное головой на восток. Костяк сопровождали массивная пряжка (фибула ?), две стеклянные бусины, массивный железный серп, в ногах был помещен разбитый горшок с линейным многоярусным орнаментом. В северо-западной части кургана найден второй полукожженный череп, который сопровождали одно серебряное перстневидное височное кольцо, фрагмент серебряного перстневидного височного кольца с загнутым концом и два «больших» (браслетообразных ?) бронзовых височных кольца, несколько стеклянных бусин. В юго-западной стороне был зафиксирован третий череп, при котором найдены три бронзовых височных кольца, три сердоликовые бусины и одна бусина из желтого стекла. В восточной стороне насыпи обнаружен четвертый череп, находившийся под слоем сгоревшего дерева. Данное погребение сопровождали пять сердоликовых бусин и серебряное зерновое височное кольцо, фрагменты серпа, нож и кресало [9, с. 48].

Следует отдельно отметить, что из разрушенных распахкой курганов третьей группы П. Авенариус выкупил у местных жителей бронзовую привеску-конька [9, с. 48].

В 1969 году московский археолог Л. В. Алексеев продолжил изучение эсмоновских курганов в первой группе. В этом году были исследованы пять насыпей, ходом раскопок руководил молодой могилевский археолог Я. Г. Риер [10, с. 180–185].

В четырех насыпях под слоем дерна находились камни, в некоторых случаях плоской формы. По мнению Л. В. Алексеева, выходит, что насыпи имели каменную обкладку. Такой обкладки не обнаружено лишь при исследовании кургана № 40 (здесь и далее нумерация Я. Г. Риера), в котором находился скелет ребенка [2, с. 11–12]. Все погребенные располагались лежа на спине в вытянутом положении. Преобладает западная ориентировка, за исключением кургана № 43, в котором погребенный лежал головой в северо-западном направлении, и потревоженного погребения кургана № 13 [10, с. 181].

При исследовании первого кургана (курган № 13) под слоем дерна находились камни, составлявшие обкладку. На уровне древней дневной поверхности обнаружено зольное пятно – свидетельство разведения ритуального кострища. Непосредственно под ним выявлено пятно желтого песка прямоугольной формы. В его заполнении было обнаружено нарушенное погребение. Сопровождающий инвентарь не был найден. При этом стратиграфически мощность зольного слоя на периферии выше погребальной площадки и ниже в центре насыпи. Из этого Л. В. Алексеев заключил, что погребальная площадка после ритуального очищения огнем была расчищена для положения на нее покойника [2, с. 4–5].

Во второй насыпи (курган № 31) под слоем дерна обнаружены камни, которые, вероятно, также составляли обкладку. По всему уровню древней дневной поверхности погребальной площадки прослеживалось зольное пятно. Погребение находилось в западной части кургана под зольным «столбиком» – углублением в материк на 0,42 м диаметром 0,12 м. Костяк располагался на спине в вытянутом положении. На уровне дневной поверхности у изголовья обнаружен валун [2, с. 5–6]. Погребение датировано концом XII – XIII в. [12, с. 193].

В третьей насыпи (курган № 33) ученые под слоем дерна также зафиксировали каменную обкладку, состоящую в основном из камней плоской формы, плотно уложенных друг к другу. На вершине в гумусовом слое обнаружены два венца гончарного горшка. На древней материковой поверхности находился зольный слой мощностью от 0,13 м до 0,26 м. В центре площадки – песчаное пятно (2,43 × 1,13 м). В его заполнении был найден разбитый горшок. На глубине 0,34 м от древней дневной поверхности на-

ходилось женское погребение. Костяк покойника располагался на спине в вытянутом положении. Левая рука была вытянута вдоль туловища, правая согнута и лежала на тазовой кости [2, с. 6–10]. Голова женщины украшала три перстнеообразных височных кольца с заходящими концами и переплетенными между собой (медь и биллон), два перстнеообразных височных кольца с заходящими концами (медь) и одно височное кольцо такого же типа из серебряной проволоки, а также стержень от медного трехлопастного височного кольца с двумя бусинами и вольфрамовой спиралью. Обнаружены две медные и две стеклянные бусины. Два медных рубчатых перстня с сомкнутыми концами находились на пальцах правой руки [10, с. 181; 12, с. 192–193]. Погребение датировано концом XII в. [12, с. 193].

В четвертой насыпи (курган № 40) обнаружено погребение, произведенное по обряду трупоположения на зольной подсыпке мощностью 0,08–0,1 м. Костяк ребенка располагался в вытянутом положении на спине. У затылочной части черепа находился обломок сферической ребристой бусины из серого непрозрачного стекла с желтыми поперечными негустыми полосами. Подстилающий костяк зольный слой располагался равномерно по всей погребальной площадке кургана [2, с. 11–12]. Погребение датировано XI–XII вв. [12, с. 193].

При разработке пятой насыпи (курган № 43) под слоем дерна встречены булыжники, составлявшие обкладку. Выше древней дневной поверхности находился зольный слой ритуального кострища мощностью 0,06–0,08 м. Под слоем тризны, западнее центра кургана, зафиксировано скопление кальцинированных костей. По мнению Я. Г. Риера, это могли быть остатки жертвенного животного [10, с. 181]. Кроме данного скопления находились зольные пятна при расчистке которых на незначительной песчаной подсыпке был обнаружен костяк мужчины. Сопровождающий инвентарь отсутствовал [2, с. 12–13; 12, с. 192]. Погребение датировано XI в. [12, с. 193].

Во всех исследованных насыпях непосредственно над непрокаленной материковой поверхностью находился зольный слой мощностью до 0,15 м. Это, по мнению Я. Г. Риера, свидетельствует о кратковременности горения ритуального костра [10, с. 181].

В 1992 г. интересующий нас могильник был исследован В. Ф. Копытиным. Ученый составил подробные планы двух курганных групп, описал состояние насыпей и зафиксировал факт уничтожения третьего курганного могильника [7, с. 43–44].

Летом 2013 г. археологическая экспедиция исторического факультета МГУ им. А. А. Кулешова под руководством автора проводила изучение курганного могильника-1 у д. Эсмоны Техтинского с/с Бельничского р-на (рис. 1). Для исследования были выбраны две насыпи – № 7 и 32 (рис. 2).

Рис. 1. Карта расположения д. Эсьмоны

Памятник располагается на правом берегу реки Ослик (река 3-го порядка, правый приток р. Друть), на северо-западной окраине д. Эсьмоны. Некрополь состоит из 47 полусферических насыпей, часть из которых имеет уплощенную вершину. Высота насыпей – 0,5–2,0 м, диаметр – 5–12 м. Все насыпи в той или иной степени имеют нарушения, за исключением исследованного нами кургана № 7.

Курган № 7 (согласно плану В. Ф. Копытина) расположен в северной части могильника. Насыпь полусферическая, высотой 0,55 м. В результате раскопок установлено, что основание кургана имело округлую форму длиной по линии север–юг – 4,25 м, по линии восток–запад – 4,28 м. Насыпь состояла из песка светло-желтого цвета. В ходе раскопок по всей площади на разной глубине встречались камни, преимущественно плоской формы, размером до 0,25 м. Системы в расположении камней не замечено. Погребения не обнаружено [1, с. 8–9].

В насыпи зафиксированы 17 фрагментов стенок кругового горшка и один фрагмент венчика (рис. 3). Данные находки керамики относятся к одному сосуду [1, с. 11].

Найденный фрагмент венчика горшка идентичен венцам горшков, бытовавших на территории Могилевского Поднепровья и Посожья в XI–XII вв. [11, с. 15, рис. 13: 1/]. Горшки с подобной профилировкой также сопоставимы с горшками вида IIIa Новогрудка, которые обнаружены в слоях XI–XII стст., однако наибольшая их часть приходится на XI – первую половину XII в. [8, с. 35].

Обнаруженные при зачистке материковой поверхности описанные фрагменты сосуда позволяют датировать возведение данной насыпи XI–XII вв. Отсутствие погребения в кургане может быть объяснено либо возведением кенотафа, либо указывает на детское погребение, которое в силу малого накопления кальция в костях не сохранилось. Последнее предположение подкрепляется также малыми размерами курганной насыпи.

Особый интерес представляет **курган № 32** (согласно плану В. Ф. Копытина), расположенный в южной части могильника. Насыпь полусферическая. В центре прослеживалась впадина (2 × 2,5 м). Высота насыпи составляла 0,93 м. В результате раскопок установлено, что основание кургана имело

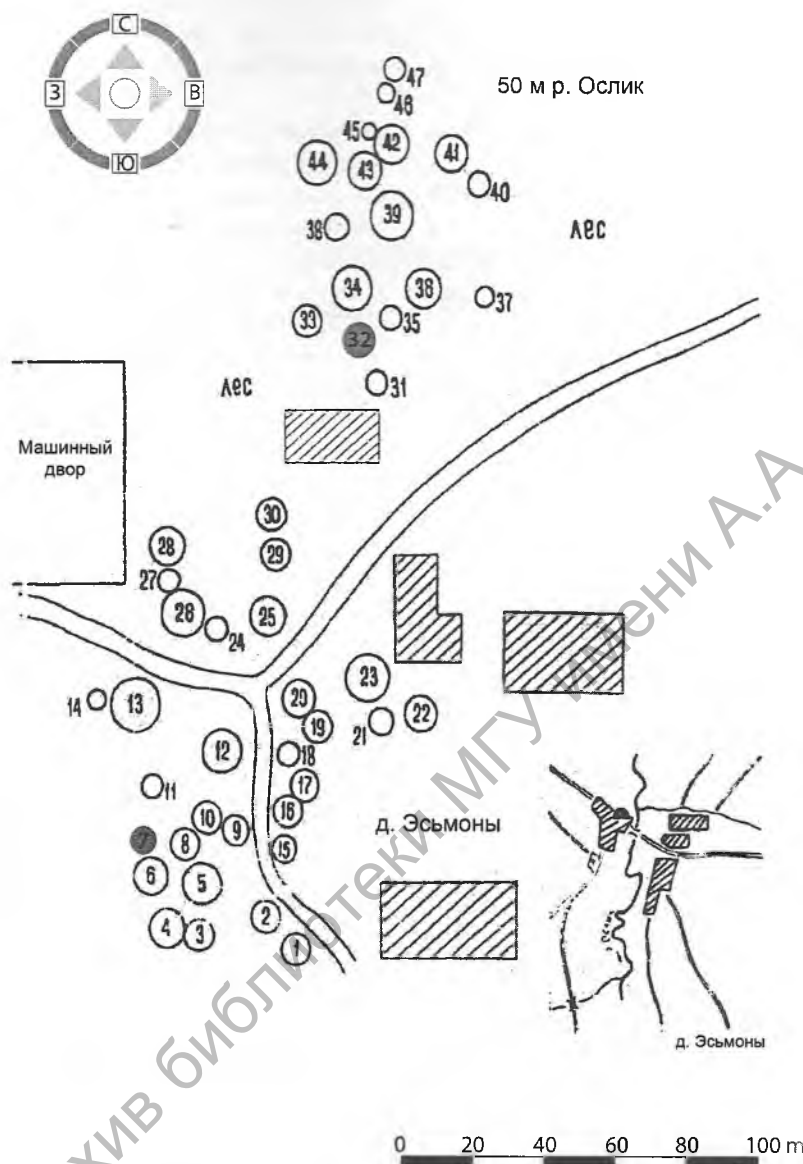

Рис. 2. Ситуационный план исследований. Бельничский р-н, д. Эсьмоны 2013 г. План В. Ф. Копытина

овальную форму, несколько вытянутую по линии запад–восток — на 7,54 м, по линии север–юг — 6,32 м.

Насыпь состояла из песка светло-желтого цвета с редкими прослойками угля и включениями пепла.

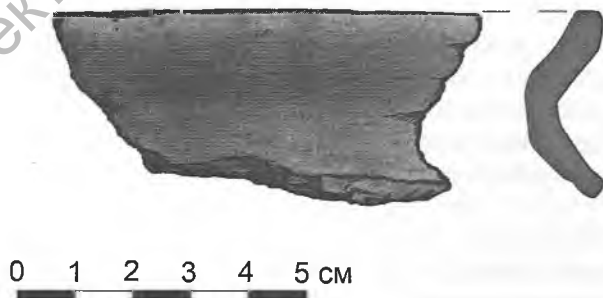

Рис. 3. Фрагмент венца горшка. Курган № 7

При разработке насыпи по всей ее площади на разной глубине встречались камни, преимущественно удлиненной формы размерами 0,05–0,55 м. Системы в расположении камней не замечено.

Погребение обнаружено севернее центра кургана на песчаной подсыпке. Кости рук, фрагменты ребер и позвонки находились в нарушенном состоянии, здесь же были найдены фрагменты стенок нескольких гончарных сосудов. Нарушение анатомического порядка костяка произошло вследствие устройства мусорной ямы. В юго-западной стороне от нарушенных костей *in situ* остался лежать лишь череп (рис. 4), который позволяет определить западную ориентировку погребенного [1, с. 9–10].

При исследовании восточной стороны насыпи был обнаружен валун (1,04 × 0,96 м). Исходя из его

положения, можно определить, что камень находился в ногах погребенного. По верхней его части проходят два ряда параллельных глубоких борозд по всей длине и два ряда перпендикулярных борозд, образуя, таким образом, прямоугольник. На вершине образованного прямоугольника также прослеживаются более мелкие продольные и поперечные бороздки (рис. 5), на юго-западной стороне камня (ближней к костяку) – ряды более мелких борозд.

Отсутствие артефактов не позволяет с полной уверенностью датировать данное погребение. Однако, судя по погребальному обряду, оно могло быть произведено в XI–XII вв.

Ритуальные действия, проведенные во время возведения кургана № 32, можно реконструировать следующим образом. Обнаружены на глубине 0,40–0,65 м от поверхности вкрапления угля, непосредственно над костяком, что позволяет утверждать о произведении погребения на горизонте с последующим рассыпанием угля и пепла при начале засыпки умершего. Обнаруженный в ногах костяка валун не может трактоваться иначе как элемент произведенного в данном случае погребального обряда. Мы не исключаем, что камень мог находиться на своем изначальном месте и определять место данного погребения. Параллельные глубокие борозды на по-

верхности камня, при детальном осмотре, не могут быть отнесены к категории природных. Таким образом, можно предположить, что камень использовался в погребальной обрядности, поскольку на нем были проделаны борозды, образующие на его верхней части прямоугольник. Автору кажется правдоподобным устное замечание, высказанное доктором исторических наук, профессором И. А. Марзалюком о возможности имитации на камне верхней крышки гроба или саркофага. На это косвенно указывает совпадение направления указанной имитации с общей ориентировкой погребенного.

На основании археологического изучения древнерусских погребений у д. Эсьмоны, мы можем сделать следующие выводы.

Для исследованных курганных групп характерны три типа погребальной обрядности труположения: на подсыпке, на горизонте и в подкурганной яме. При отсутствии графических свидетельств раскопок Ф. И. Шимоновского и Н. П. Авенариуса, с определенной долей осторожности к четвертому типу можно отнести обряд ингумации в сидячем положении в деревянных конструкциях (срубах?).

Другой характерной чертой данного некрополя является использование камней при возведении насыпей. Практика использования камней при воз-

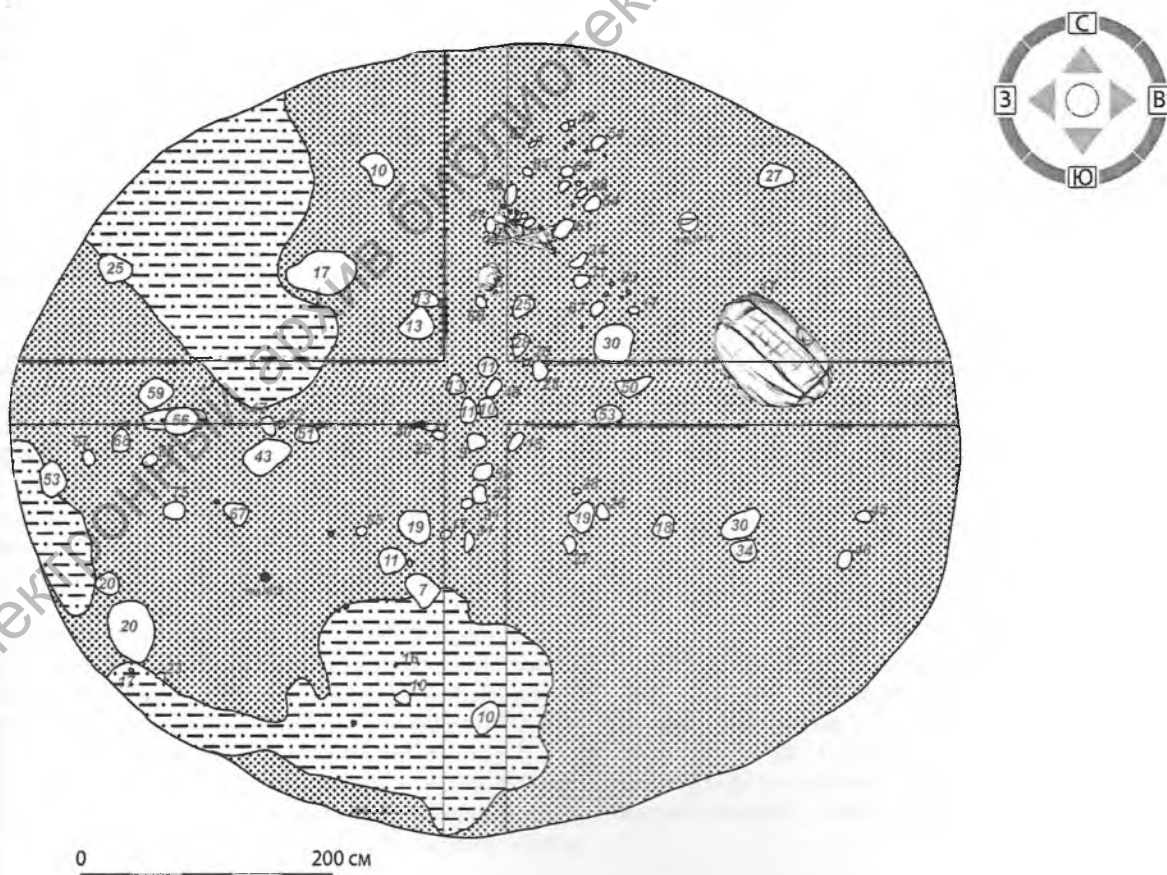

Рис. 4. План погребения. Курган № 32

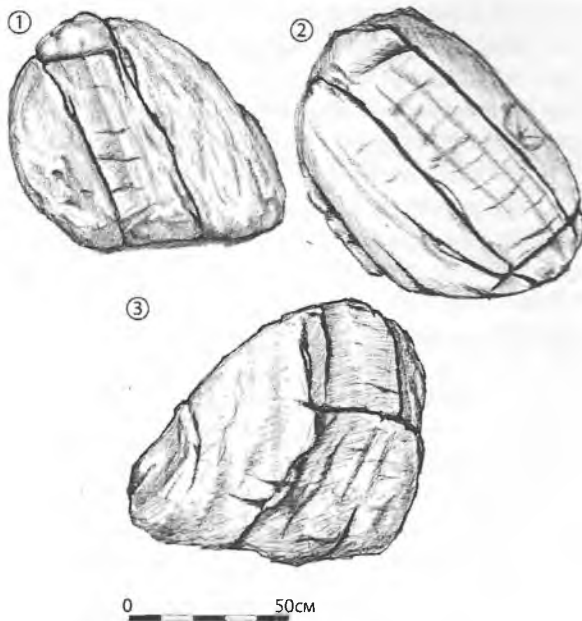

Рис. 5. Валун из кургана № 32: 1 – вид с северо-запада; 2 – вид сверху; 3 – вид с юго-востока. Рисунок Е. В. Кузиной

ведении курганов широко известна в погребальной традиции балтских племен [3, с. 359, 367, 371, 392, 400–401, 405, 414–415; 6, с. 21, 30–37; 13, с. 119–120; 14, с. 85, 89]. Рассматривая детали погребальных комплексов дреговичей, В. В. Седов отмечает характерное использование погребальных теремков в се-

верной части расселения этого племенного союза нежеля в южной. Относя погребения в Эсьмонах к памятникам с традицией сооружения теремков, ученый указывает на связь данной традиции с балтским населением этих территорий [13, с. 119]. Следует обратить внимание, что и сам топоним «Эсьмонь» является ойконимом, образованным от балтского антропонима «Эйс-монт» (Эймонт) [4, с. 75].

На основании результатов раскопок 1891 и 1969 г. Я. Г. Риером сделан вывод, о расположении могильника в зоне контактов племен дреговичей и кривичей. Время его функционирования охватывает весь период существования древнерусской курганной культуры конца X – начала XIII в. [13, с. 184–185].

Под влиянием процессов христианизации погребальная обрядность претерпевает изменения. Постепенно, как это показано в работах Я. Г. Риера, погребения на подсыпке XI–XII вв. сменяются погребениями на материке в XII в. и погребениями в подкурганных ямах в конце XII – XIII в. [13, с. 184–185; 12, с. 193]. Так же влиянием смены религии объясняется факт нахождения костей руки, согнутой в локте и расположенной на груди при раскопках Н. П. Авенариуса, и согнутой правой руки, лежавшей на тазу при раскопках 1969 г. [2, с. 6–9, с. 46]. Косвенно на влияние христианства можно указывать камень, обнаруженный нами при раскопках кургана № 32 и имитирующий крышку гроба (саркофага).

Литература

1. Авласович, А. М. Отчет об археологических исследованиях в Бельничском районе Могилевской области в 2013 г. / А. М. Авласович // Архив Института Истории НАН Беларуси. – Минск, 2014.
2. Алексеев, Л. В. Отчет о раскопках курганов в д. Эсьмоны Бельничского района Могилевской области в сентябре 1969 года / Л. В. Алексеев // Архив Института Истории НАН Беларуси. – Д. № 340. – Минск, 1970.
3. Археология СССР. / Л. А. Голубева [и др.]; отв. ред. тома В. В. Седов; редкол.: Б. А. Рыбаков (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1987. – Т. 17: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – 510 с.
4. Гурская, Ю. А. Явление трансонимизации в древнейшей онимии балтских и славянских языков / Ю. А. Гурская // Известия Российского гос. пед. ун-та имени А. И. Герцена. – СПб., 2012. – № 151. – С. 73–81.
5. Заметка Н. П. Авенариуса о его раскопках в Минской губернии в 1889 и 1890 годах / Тр. Вилен. отд-ния Моск. Предварительного ком-та по устройству в Вильне IX Археолог. съезда. – Вильна. 1893. – С. 42–43.
6. Зверуго, Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. / Я. Г. Зверуго; под ред. П. Ф. Лысенко. – Минск: Навука і тэхніка, 1989. – 208 с.
7. Копытин, В. Ф. Археологические памятники Бельничского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. – Могилев: Изд-во МГУ им. А. А. Кулешова, 1992. – 111 с.
8. Малевская, М. В. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. / М. В. Малевская // Тр. ИИМКА РАН. – СПб., 2005. – Т. XVII. – 160 с.
9. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1889 г. – СПб., 1892. – 127 с.
10. Риер, Я. Г. Изучение курганов в Могилевской Поднепровье / Я. Г. Риер // Сов. археология, 1976. – № 2. – С. 179–191.
11. Риер, Я. Г. Сельское общество Могилевской Поднепровья X–XIII вв. по археологическим данным / Я. Г. Риер. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. – 176 с.
12. Риер, Я. Г. Славянские курганы в д. Эсьмоны Бельничского района Могилевской области / Я. Г. Риер // Беларускія старажытнасці: матэрыялы канф. па археалогіі БССР і сумежных тэрыторый. – Мінск, 1972. – С. 192–193.
13. Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов / отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1982. – 327 с.
14. Седов, В. В. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья / В. В. Седов. – М.: Наука, 1970. – 200 с.

Рэзюмэ

А. М. Аўласовіч

Археалагічнае вывучэнне курганных старажытнасцей ля в. Эсьмоны

Сапраўдны артыкул прысвечаны археалагічнаму вывучэнню курганнага могільніка-1 каля в. Эсьмоны Бялыніцкага раёна. Першыя раскопкі, якія праводзіліся яшчэ ў XIX ст., выявілі рэдкі тып пахавальнай абраднасці – трупакладанне седзячы ў дамавіне, а таксама збудаванне каменнай абкладкі ў насып. Даследаванні 1969 г. значна пашырылі навуковыя веды аб дадзеным помніку археалогіі. Падчас раскопак 2013 г. былі атрыманы новыя звесткі адносна элементаў пахавальнай абраднасці ў дадзеным мікрарэгіёне.

Summary

A. M. Avlasovich

Archaeological research of the ancient barrow mounds near the v. Esmony

The article deals with the research of the mound barrow-1 in the village Esmony, Belynychy district. The first excavations, which were taken in 19th century, discovered a rare type of obsequies – inhumationsitting in casket and stone lining in a mound. The studies, which were taken in 1969, greatly expanded the scientific knowledge about these archaeological monuments. During the excavations in 2013 a new information about the elements of the obsequies were obtained in this microregion.

Поступила 22.09.2014 г.